

Чжан Вэйдун раскинул руки: — Я вот такой, какой есть, разбирайся с этим сам.

— Это что ещё за тон? — взвизгнул режиссёр, глядя на него во все глаза. Если бы за спиной Чжан Вэйдуна не стояли влиятельные покровители, он бы давным-давно заменил его!

Чжан Вэйдун придвинул стул, уселся, закинул ногу на ногу и всем своим видом показывал: ну и что ты мне сделаешь?

Режиссёр от злости едва не дымился и начал уже нести пассажи: — Ты в крутяке и двух лет не пробыл, а возомнил о себе! На кого ты похож? Возомнил себя суперзвездой? Задрал нос, будто пуп земли, а чем ты лучше остальных, кроме мохнатой лапы? Даже массовка играет лучше тебя!

Чжан Вэйдун насмешливо фыркнул: — Да не упало мне ваше убогое мыло, и что ты мне сделаешь?

— Ой! — от гнева режиссёр даже рассмеялся, тыча пальцем ему в нос: — Не упало, так какого чёрта ты сюда приплёлся? Шёл бы к своему папику, поплакался в подушку, потребовал бы блокбастер от Голливуда, «Оскара» за лучшую мужскую роль! Давай быстрее, а то потеряешь милость — и пиши пропало.

Чжан Вэйдун прикрыл глаза и потёр переносицу. Режиссёр уже решил, что тот исчерпал аргументы, как вдруг получил мощный удар в переносицу.

Режиссёр взвизгнул, зажал нос руками и осел на пол; сквозь пальцы закапала кровь. Чжан Вэйдуну действительно было нечего сказать, поэтому он решил обойтись без слов: замахнулся и со всего маху врезал режиссёру, пиная его снова и снова!

Режиссёр всё-таки был интеллигентным человеком и дать сдачи не мог. Скуля и воя, он закрутился по полу под градом ударов, подняв на уши всех снаружи.

В гримёрную ворвались второй режиссёр и несколько рабочих сцены. Вчетвером, путаясь под ногами и потратив немало сил, они кое-как оттащили Чжан Вэйдуна.

У Чжан Вэйдуна был взрывной характер. Хоть он и превратил лицо режиссёра в сплошной синяк, ярость его не улеглась. Вырываясь, он рвался добить обидчика: — Пустите! Хватит изрыгать всякую мерзость, ублюдок! Если сегодня же не выблюю тебе зубы, не оправдаю твой гнилой рот, мать твою!

Перепуганный до смерти безумным, разъярённым видом Чжан Вэйдуна, режиссёр подхватился с пола и впотьмах вылетел из костюмерной.

Шум поднялся такой, что поглазеть сбежались даже из соседнего павильона, о дальнейших съёмках не могло быть и речи.

Чжан Вэйдун широким шагом направился к выходу из съёмочной площадки, а Сяо Ба семенил следом. Из-за длинных ног и широкого шага Чжан Вэйдуна тому приходилось бежать трусцой, чтобы не отстать.

— Брат Дун, куда это вы? — испуганно спросил Сяо Ба, глядя, как тот открывает дверцу машины.

— Не твоё собачье дело! Не увязывайся за мной.

— Но Сяо-цзун велел мне повсюду сопровождать вас... — не успел договорить Сяо Ба, как дверца с грохотом захлопнулась.

Чжан Вэйдун высунулся из окна и сплюнул: — Пусть Сяо Цзюньгу сам отправляется к праотцам, чего ждёт!

Когда Хаммер сорвался с места, Сяо Ба остался стоять на месте, уперев руки в боки и обращаясь к небесам с горьким вздохом: до чего же невыносимый этот тип! Хуже любого избалованного мажора!

Чжан Вэйдун доехал до прибрежного шоссе, припарковался у обочины, выскочил из машины, перемахнул через отбойник и помчался к самой кромке искрящейся на солнце речной воды, истошно завопив.

— А-а-а! — этот крик походил на рёв загнанного зверя, в нём сквозило столько нерастраченной злости и обиды.

После крика давившая на грудь тяжесть немного отпустила, но на душе всё равно скребли кошки, будто к нему привязали огромный многотонный валун, мешающий даже нормально вздохнуть. Чжан Вэйдун вернулся к машине, открыл багажник и вытащил целый ящик баночного пива. В этот момент на переднем сидении занадрывно зазвонил телефон. Чжан Вэйдун даже смотреть не стал — и так знал, кто звонит. Проигнорировав вызов, он взвалил пивной ящик на плечо и зашагал прочь.

Он брёл вдоль берега реки, пил на ходу, его штанишки ниже колен вымокли насквозь, а белые кеды покрылись грязными разводами от ила и песка. Выбившись из сил, Чжан Вэйдун прямо так рухнул на землю и, глядя на свинцовое небо, напился вдребызг.

Он признавал, что его рабочая этика никуда не годилась, и ответственности ноль, но ведь съёмки ему были абсолютно неинтересны! Ни капельки!

Заучивать текст, следовать чужим указаниям, давить из себя улыбки и слёзы на камеру... Он вечно шёл на компромисс с собой, но порой переступить через себя становилось просто невозможно, как сегодня, например.

Сяо Цзюньгу самовольно распланировал всю его жизнь, забив график съёмками едва ли не по минутам. И ладно бы только это — он ведь запрещал ему писать и петь песни! Намеренно зажимал его со всех сторон, не давая ни единого шанса пробиться в музыку!

А Чжан Вэйдун хотел заниматься только музыкой. Ведь музыка была его второй жизнью, врождённой и неотделимой частью его существа.

Он хотел стать знаменитым, подняться на вершину, где его все увидят, чтобы люди услышали его песни.

Он хотел жить ради музыки, но почему всё так сложно?

Каждый день лицедействовать перед объективом, нести чушь и играть чужих персонажей — как же он устал, до чего же устал...

Пятилетний контракт ещё нескоро подойдёт к концу, прошло и половины срока, а он уже едва держится на ногах. Не раз и не два ему приходилось думать о том, чтобы прикончить Сяо Цзюньгу, в конце концов, захватить его с собой на тот свет! Но всякий раз, вспоминая о

тётушке, он терял решимость. Погубить себя проще простого, а что делать этой бедной женщине?

Он во сне видел, как на Сяо Цзюньгу свалится какая-нибудь напасть или стихийное бедствие, а лучше — чтобы он подох в муках!

— Сяо Цзюньгу! Ты, тварь поганая, чтоб тебя черти разорвали! Скотина! — вопил Чжан Вэйдун в небеса.

В ту минуту настроение было паршивым не у одного лишь Чжан Вэйдуна.

Сяо Цзюньгу сидел в кабинете генерального директора, а Сяо Ба в страхе и трепете застыл перед его столом, вцепившись пальцами в штанины по бокам, словно провинившийся ребёнок.

На его правильном лице не было ни единой эмоции, но голос звучал леденяще: — И как ты выполняешь поручения?

Сяо Ба заикаясь выдавил: — Простите... Брат Дун сразу уехал на машине, я не смог его догнать...

Сяо Цзюньгу коротко вздохнул, вытащил телефон, открыл приложение геолокации и резко поднялся: — Он возле прибрежного шоссе. — Сказав это, он замер секунд на десять, снова рухнул в кожаное кресло на колёсиках, бросил телефон на стол и приказал Сяо Ба: — Немедленно поезжай туда, во что бы то ни стало найди его.

Он терпеть не мог, когда Чжан Вэйдун исчезал вот так среди бела дня без объяснения причин!

Но зная, что Чжан Вэйдун видеть его не желает, особенно в скверном расположении духа, Сяо Ба оставалось лишь сидеть как на иголках в ожидании новостей.

Сяо Цзюньгу взял со стола папку с документами, раскрыл её, но не смог вникнуть ни в единое слово. В конце концов он просто встал, подошёл к панорамному окну, достал мятную сигарету, закурил и глубоко затянулся, загоняя никотин в самые лёгкие. Сам не зная почему, он чувствовал смутную тревогу.

Вскоре предчувствие Сяо Цзюньгу подтвердилось: он дождался дурных вестей.

Чжан Вэйдуна везли в больницу, состояние неизвестно.

Неизвестно! Это слово ударило Сяо Цзюньгу обухом по голове, лишив способности соображать.

Чжан Вэйдун уговорил целый ящик пива и напился до бесчувствия на речной отмели. К вечеру вода в реке поднялась во время прилива, и его полностью затопило.

Когда Сяо Ба отыскал его, то едва не наложил в штаны от страха. Вытащив Чжан Вэйдуна из воды, он принялся делать искусственное дыхание и одновременно звонить в скорую.

К счастью, Чжан Вэйдун родился в рубашке: кроме воды в лёгких и зашкаливающего уровня алкоголя в крови, ничего страшного не произошло. Тем не менее, перепугались все не на шутку — опоздай Сяо Ба ещё на пару минут, последствия были бы немыслимы.

В себя Чжан Вэйдун пришёл только на следующий день после полудня.

Сяо Ба помог ему приподняться на больничной койке и устроиться поудобнее на подушках: —

Слава Будде, брат Дун, вы наконец очнулись.

Чжан Вэйдуну раскалывалась голова, он ещё не до конца понимал, что произошло, но, заведя в палату Сяо Цзюньгу, вмиг ошетинился, как боевой петух, и прохрипел: — Начальник, сегодня же вроде не пятница? Какого чёрта ты опять мозолишь мне глаза, не можешь сгинуть с глаз долой?

Сяо Цзюньгу всегда производил впечатление человека безупречно воспитанного и интеллигентного, способного сохранять невозмутимость даже в гневе.

Но сейчас лицо Сяо Цзюньгу почернело, словно днище казана. Широким шагом подойдя к постели, он занёс руку и со всего маху влепил Чжан Вэйдуну пощёчину.

От удара голову Чжан Вэйдун откинуло в сторону, щека запылала огнем, и он не сразу сообразил, что произошло.

А Сяо Цзюньгу, отвесив пощёчину, даже не глянул на него и зашагал к выходу.

Лишь когда тот уже скрылся в коридоре, Чжан Вэйдун опомнился: Сяо Цзюньгу ударил его?! Эта тварь посмела его ударить!

— Сяо Цзюньгу! Мать твою! А ну вернись, твою мать! Вернись!

Чжан Вэйдун попытался соскочить с кровати и броситься в погоню, но Сяо Ба тут же набросился на него, удерживая на месте. Подоспевшие врачи и медсёстры тоже кинулись на помощь, и палата в один миг превратилась в сумасшедший дом.

Тяжелейшее нервное напряжение, злоупотребление алкоголем вперемешку с переохлаждением дали о себе знать: за высокой температурой у Чжан Вэйдуну началась слабая лихорадка, воспалились миндалины, горло распухло так, что даже сглатывать слюну стало адской мукой. И хотя физически он чувствовал себя отвратительно, на душе у него почему-то полегчало. Погрязнув в полубредовом состоянии, он целыми днями лениво валялся на больничной койке, попивая водичку да перекусывая, свободный от нескончаемой череды съёмок и необходимости кривить душой перед кем бы то ни было.

Вот только было бы совсем хорошо, если бы не парочка неприятных моментов.

Как-то днём Чжан Вэйдун лежал в палате, уткнувшись лицом в подушку. Сяо Ба решил, что тот заснул, и принялся в открытую докладывать обстановку по телефону.

— Брат Дун уже пообедал... Выпил полчашки супу, от фруктов отказался. Да, горло всё ещё болит, поэтому твердую пищу не ест. Понял, завтра попрошу медсестру выжать сок... Нет, не буянит, просто сил особо нет. Хорошо, без проблем, я всё записал, до свидания, Сяо-цзюнь.

Чжан Вэйдун рывком подскочил, усевшись на постели на коленях, и замахнулся подушкой прямо на макушку Сяо Ба: — Ах ты ж пёс верный, шёл бы ему сапоги лизать!

Сяо Ба ничуть не рассердился и с ухмылкой протянул: — Брат Дун, я разбудил вас? Кстати, какой сок вам больше по вкусу? Чжан Вэйдун только что побил его и рявкнул пару слов, отчего горло ужасно заболело. Больше открывать рот ему не хотелось, и он просто выставил Сяо Ба вон из палаты.

Сяо Ба вечно доставлял ему хлопоты, но поделаться с ним ничего было нельзя. Этот парень словно родился с нехваткой пары извилин: целыми днями то семенял куда-то вприпрыжку, то радостно улыбался, автоматически отфильтровывая любые обидные слова. Чжан Вэйдун частенько крыл Сяо Ба последними словами, но никогда не поднимал на него руку — ведь стоило только взглянуть на его тощую, похожую на проросток фасоли фигурку, как становилось ясно, что тот и удара не выдержит.

Впрочем, если бы не Сяо Ба был связан с Сяо Цзюньгу, Чжан Вэйдун даже полюбил бы такого малолетку. Но он ненавидел всё, к чему прикасался Сяо Цзюньгу, поэтому и к Сяо Ба, естественно, относился из рук вон плохо.

Второй инцидент произошел, когда Сяо Ба тайком протащил в палату две маленькие фруктовые мороженки и, словно преподнося бесценное сокровище, протянул их Чжан Вэйдуну.

Чжан Вэйдун взглянул на них, тут же нахмурился, свирепо вытаращил глаза и рявкнул:

— Выбрось! Кто разрешал тебе приносить сюда эту дрянь? Чтобы я больше этого не видел!

— Но генеральный Сяо сказал...

— К черту твоего генерального Сяо! — перебил его Чжан Вэйдун, выхватил мороженое и швырнул его прямо к двери. — И ты тоже катись отсюда!

Заметив, что тот разъярен не на шутку, Сяо Ба тут же убрался восвояси. Он подобрал мороженое, уселся на больничной лестнице и с аппетитом принялся его слизывать.

Чжан Вэйдун же промаялся в дурном настроении целый день. В его прошлом таилось нечто невыносимое, и всё, что было связано с тем периодом, било по его нервам. Человек не в силах изменить свое прошлое — остается лишь принять его или игнорировать. Чжан Вэйдун смириться не мог, поэтому ему оставалось только делать вид, будто ничего не было.

Хотя он всё еще чувствовал недомогание, долечиваться в больнице столько дней было уже излишне, однако никто из врачей так и не сообщил ему о выписке. Поскольку всеми делами Чжан Вэйдона вела Чжоу Ли, за всё время гоонализации она не позвонила ни разу, так что он с чистой совестью предавался безделью.

Пока наконец от лежания на больничной койке у него не затекли все кости, самочувствие не улучшилось, а от скуки не взвыла душа, и он не потребовал выписать его домой.

Незаметно пролетела неделя. В день выписки он вдруг вспомнил, что снова пятница.

Когда Чжан Вэйдун увидел, что за ним приехал Сяо Цзюньгу, в его голове промелькнула мысль: а что, если броситься на дорогу, подставить себя под какую-нибудь не слишком быстро едущую машину — не удастся ли тогда вернуться в больницу и провести там еще немного

времени?

Однако от судьбы не уйдешь, поэтому он с крайним нежеланием всё же сел в машину.

Автомобиль Сяо Цзюньгу вполне соответствовал его характеру: серебристо-серый внедорожник — сдержанный, солидный и очень практичный.

Едва они добрались до ресторана при пятизвездочном отеле, прошли в отдельную кабинку и Чжан Вэйдун успел лишь примостить свою задницу на стул, как на стол одна за другой полетели изысканные закуски. Он действительно проголодался, да к тому же за столько дней больничных жиденьких супов и пресных каш у него разыгрался аппетит, так что он без всякого смущения принялся уплетать еду за обе щеки.

Сяо Цзюньгу почти не притрагивался к палочкам: он то и дело поглядывал на него, потягивая красное вино.

Чжан Вэйдун, разумеется, игнорировал его. Уткнувшись в тарелку, он ел и пил, не поднимая глаз и даже боковым зрением не удостоивая сотрапезника вниманием.

Обстановка в ресторанном кабинете была уютной и утонченной, изысканность сквозила буквально во всем убранстве, но настроение Чжан Вэйдуну это ничуть не улучшило. Атмосфера за столом царила натянутая, словно за одним столом случайно оказались совершенно чужие люди.

Набив желудок, Чжан Вэйдун швырнул палочки на стол и принялся вытирать жирный рот салфеткой.

Сяо Цзюньгу зажал ножку бокала двумя указательными пальцами и спросил:

— Чего это ты вздумал один тащиться на реку пить? Был не в духе?

Чжан Вэйдун промолчал.

Сяо Цзюньгу продолжил допрос:

— Почему был не в духе? Из-за съемок?

— Большой босс, к чему эта фальшивая игра на публику? — усмехнулся Чжан Вэйдун.

— Не называй меня боссом, — Сяо Цзюньгу на мгновение замолк, а затем заговорил снова: — Дунцзы, раз тебе не нравятся съемки, бросай их. Наша компания как раз планирует новое тревел-шоу, придешь туда ведущим, заодно и развеешься.

Чжан Вэйдун стиснул зубы так, что на висках вздулись вены. Он схватил бокал и плеснул в лицо Сяо Цзюньгу — бледно-красная жидкость залила тому голову и лицо.

— Заткнись! Как же ты меня задолбал, черт побери! Кроме как контролировать меня и указывать, что делать, у тебя других развлечений нет?!

Сяо Цзюньгу вытащил платок и принялся вытирать лицо. Лицо его оставалось бесстрастным, и лишь спустя долгое время он произнес:

— Дунцзы, перестань дурить.

Чжан Вэйдун вскочил на ноги и опрокинул стол:

— Не смей меня так называть, ты не имеешь права! Тошнотворно!

Этот ужин не принес ни радости, ни покоя, но всё произошло именно так, как и ожидалось, вполне в духе их привычных отношений. С чего бы им вдруг радоваться?

Вернувшись в дом Сяо Цзюньгу, они действовали по отработанной схеме: молчаливый секс, телевизор, сон.

Правда, телевизор смотрел только Сяо Цзюньгу, а Чжан Вэйдун пробыл в ванной целых два часа, оттирая свое тело до багрово-красного цвета — ему казалось, что он готов содрать с себя кожу целиком. Особенно то место, куда проникал Сяо Цзюньгу: ему даже хотелось засунуть туда зубную щетку и выдраить всё внутри и снаружи дезинфицирующим средством. Хотя Сяо Цзюньгу не кончал внутри него, Чжан Вэйдун всё равно чувствовал себя невероятно грязным, словно зараженным ужасными бактериями, и был уверен, что если не отмоемся до конца, то просто сгниет заживо.

До омерзения грязно! И секс, и сам Сяо Цзюньгу — всё было настолько грязно, что вызывало у него физическую тошноту.

Закончив свои похожие на самоистязание водные процедуры, физически и морально истощенный, он в пижаме уселся на краешек кровати, уставившись перед собой стеклянным взглядом.

Сяо Цзюньгу выключил телевизор, подошел, оценивающе заглянул ему в лицо, а затем коснулся его мокрых волос:

— Иди высушись как следует.

Чжан Вэйдун смахнул его руку и, опустив веки, бросил:

— Дай лекарство.

Сяо Цзюньгу нахмурился:

— Тебе мало того, что в больнице напичкали?

— Я устал... хочу нормально выспаться, — обессиленно произвел Чжан Вэйдун.

Пару минут Сяо Цзюньгу молча разглядывал его, после чего достал из кармана ключ, открыл прикроватную тумбочку и выдвинул ящик, доверху заполненный разноцветными баночками и склянками. Покопавшись в них, он выбрал два флакона с успокаивающими и снотворными средствами, вытряхнул на ладонь четыре таблетки и протянул их.

Чжан Вэйдун, только что отмывший себя дочиста, не желал никакого телесного контакта, поэтому просто раскрыл ладонь.

Когда Сяо Цзюньгу ссыпал таблетки прямо ему в руку, он даже не глядя запрокинул голову и проглотил их. Горло неприятно обожгло от застрявших в нем сухих пилюль, но Чжан Вэйдуну было всё равно — он молча рухнул на кровать и зажмурился.

Когда Сяо Цзюньгу, приняв душ, вернулся в спальню, Чжан Вэйдун уже спал. Дыхание его было ровным и глубоким, а мокрые волосы оставили на наволочке большое темное пятно.

Он тоже лег в постель, полуприподнявшись, прислонился спиной к изголовью, расстелил на коленях полотенце и предельно осторожно уложил голову Чжан Вэйдона себе на колени. Сяо Цзюньгу принялся перебирать пальцами его холодные черные пряди, нежно оглаживая его мужественные брови и глаза, а затем наклонился и поцеловал Чжан Вэйдона в лоб.

Лицо Чжан Вэйдона почти не изменилось за десять лет — разве что кожа стала чуть темнее, в чертах проступила большая суровость, а крошечная родинка над правым глазом осталась на прежнем месте. Когда-то давно Чжан Вэйдун точно так же лежал у него на коленях, они обо всем на свете болтали, курили на школьной крыше, вместе ели мороженое, а потом втыкали палочки в цементные стыки, выстраивая их в идеально ровные ряды.

Он до сих пор помнил, как выглядел тогда Чжан Вэйдун: прищурившись, тот указывал прямо в синеву неба и амбициозно заявлял:

— Я стану солнцем! Сделаю так, чтобы все меня видели и слышали мой голос — я буду лучшим рок-певцом на всем белом свете!

Запрокинув голову, он приложил руки рупором ко рту и закричал в небеса:

— Дунцзы, давай!

Позже облака сменялись собаками, и мир стал непредсказуем.

Как только здоровье Чжан Вэйдона восстановилось, он был вынужден вернуться к работе.

Каким бы ни было его нежелание, приходилось смотреть правде в глаза: он — артист компании Дунъюй, связанный пятилетним контрактом, а его агент... точнее, Сяо Цзюньгу. Что бы тот ни потребовал, он был обязан подчиниться, не имея права на отказ.

Стоило Чжан Вэйдуну переступить порог съемочной площадки, как болтовня и смех вокруг мгновенно смолкли. В просторном съемочном павильоне все — от хлопушки, рабочих сцены, реквизиторов и осветителей до актеров массовки — уставились на него, а затем практически синхронно отвели глаза, погрузившись в тяжелое молчание.

После того как неделю назад он избил режиссера до кровавых подтеков и пропал на целую неделю, все были уверены, что в этом сериале он больше не появится. Независимо от того, какие покровители стояли за Чжан Вэйдун, за открытое проявление насилия компания была обязана наказать его по всей строгости устава, как минимум вырезав все сцены с его участием.

Однако Чжан Вэйдун не только вернулся, но и появился на площадке среди бела дня с самым невозмутимым видом. Порядок есть порядок, и то, что Чжан Вэйдуну всё сошло с рук, не могло не вызвать глухого раздражения и обиды у остальных сотрудников и актеров.

Впрочем, еще более неприятное зрелище ждало их впереди.

Словно не замечая удручающей и неловкой атмосферы, Сяо Ба притащил пластиковый стул прямо к Чжан Вэйдуну и проговорил:

— Брат Дун, посиди пока здесь, гримеры сейчас заняты, как освободятся, я тебя зову.

Не успел Чжан Вэйдун опуститься на стул, как появился режиссер. Заметив его, он на секунду замер, после чего поспешил подбежать с извинениями.

— Брат Дун, в прошлый раз я сболтнул лишнего, был неправ, прояви великодушие, не держи зла на дурака.

Чжан Вэйдун молча смотрел на режиссера, на лице которого всё еще не сошли синяки, не ожидая от того столь резкой смены пластинки на сто восемьдесят градусов.

Не дождавшись ответа, режиссер ссутулился еще сильнее и заискивающе продолжил:

— Брат Дун, прости меня ради бога. Я ведь и вправду был неправ, но в эту картину вложено столько моих сил, сделай одолжение, выручи, умоляю тебя!